

НЕ СТАЛО Николая Николаевича Губенко. Боль безутешна, скорбь безмерна. С утра той не хочешь смиряться, бессильно заклинаясь: "Время, назад!", — в те дни, когда он был жив, тешишь себя, что можно было что-то сделать, чтобы задержать его в этой жизни, оградить от напастей.

Незаменимые люди есть, есть невосполнимые ничем и никогда утраты. Несчастливы люди, которые сочинили, что незаменимых нет. Бедна была их жизнь на истинно прекрасное, а самое прекрасное в мире — это прекрасный человек.

Всё, что исходило от Николая Николаевича, было прекрасно. Всё — высшего уровня, на самый высокий балл, всё было эталонно. Чем-то его одарила, а нас в его лице наградила, природа. Несравнимый голос — какой-то филигранно выверенный тембр. Неимоверное, обескураживающее обаяние, которое экран не мог передать в полной мере, буквально крап-забирал его часть, и лишь люди, встречавшие лично с Николаем Губенко, видевшие его на сцене, ощущали это обаяние, попадая в эмоциональный плен. И когда он только появлялся на

сцене, его встречали восторженными аплодисментами. А он ни в одной своей роли, ни в одном выходе не обманывал ожиданий.

Но к полученному в дар от природы он прибавил массу, что было выработано, отточено им самим. С первых ролей в студенческих постановках, в театре и кино, — безупречное исполнение. Когда смотришь и воспринимаешь сыгранного персонажа как реального человека, очень живого — никакой наигранности, никакой позы, перехлёста. И понимаешь, что невозможно сделать лучше, нет ничего, что надо было бы подправить. Играл, как дышал, казалось бы, естественно и набело. И не в главных ролях он — главный, всё внимание — на него. Личностный магнетизм. Он не тянул на себя. Его такт, абсолютное благородство не позволяли оттянуть от кого бы то ни было хоть что-то, выпятиться, растолкать локтями. Но любовь, симпатия зрителей — это их собственность, и они ею распоряжаются по усмотрению своего сердца, а оно тянется к истинному: таланту, благородству, порядочности, добросовестности, — тянется к Губенко.

И НИКТО НЕ ЗАМЕНИТ, И БОЛЬ НЕ ПРОЙДЁТ

Памяти Николая Губенко

Его непростая судьба сироты военного времени, которому всего пришлось добиваться самому, наполнила его знанием жизни, всех её нюансов, перипетий, отношений. Круг его общения был очень широк. И он всё замечал, впитывал, потому в разных своих ролях — убедительный: романтический, ищущий, в то же время ершистый молодой человек в период первой влюблённости, бескомпромиссный руководитель, солдат на войне, бесшабашный русский удалец, франтоватый хлыщ. Для каждой роли — своя палитра. И даже речь, не только текст, а именно речь для каждой роли своя: её строй, особый ритм. Как никто, он умел держать паузу. В его взгляде, в его молчании была неисчерпаемая глубина и многозначительность. Он владел актёрским мастерством в совершенстве: драма, трагедия, бурлеск — всё подвластно. Великолепно читал текст, танцевал, исполнял акробатические номера, играл на гитаре, пел. Его коллеги говорят, что именно манера исполнения Губенко, которой он буквально заразил своё окружение: низкий хриловатый голос, эмоциональный надрыв, — перенята Владимиром Высоцким.

Выдающийся сценарист. Гениальный режиссёр. Гениальный! Смотришь-пересматриваешь снятые им фильмы по его же сценариям: каждый кадр выверен, логично построено, каждый жест актёров продуман, любая декорация точна. В фильмах, в отличие от спектаклей, нельзя переснять те или иные сцены, что-то исправить. А в фильмах Губенко ни к чему и дотрагиваться нельзя: ни одной лишней детали, ни одного провала, который неплохо было бы заполнить, ни одной неточности, фальши.

Какие типажки! Какие характеры! Какое органичное сосуществование людей разных. Подкупающие своей непосредственностью простaki, утончённые интеллигенты, чудаки, дети и старики — все понаты и прочувствованы режиссёром, пропущены им через свои эмоции, отфильтрованы лишнее, что размывало бы образ, всё эталонно, и каждый образ запоминается. Как поэмы Пушкина: убери, замени любую строку — и распадётся таинство, но в то же время каждая строка — самостоятельно ценна, каждый отрывок — самодостаточен. В фильмах Губенко убери любой кадр — и покосится фильм, как от выдернутого венца в избе. Но и любой эпизод — самостоятельная картина.

В своей несуетности он всё успевал! Играть роли, писать сценарии, ставить фильмы и спектакли, помогать людям, обращающимся к нему как к министру, депутату. Какой поистине гражданский подвиг он совершил, создав театр "Содружество актёров Таганки"! Собрал буквально вышвыриваемых на улицу актёров, наполнив их жизнь смыслом, а нас, общество, одарив постановками русского театра с его традициями и свойственным духу театра живыми новациями.

В своих постановках всё продумывал сам: и костюмы, и музыку. Он всё время работал. У него не было понятия "отпуск". И в Доме отдыха — работал. Так, особняком стоящий в кинематографе фильм "Из жизни отдыхающих" появился после того, как Николай Губенко поехал в Дом отдыха. Там же написал сценарий. Смешно, трогательно, сопереживающе лирично. Всё в этом фильме так отточено, достоверно, что кажется: просто видеокамеры везде были поставлены, и вот собрали записи, да и склеили фильм. Никаких швов не видно, никакой "белой нитки".

И конечно, Николай Губенко — гражданин. Он не отсиживался за таким шитом, каким прикрываются многие "творческие люди", как "я — художник, я политикой не интересуюсь". Он политической интересовался и её вершил в большей степени, чем иные профессиональные политики, кроме этого ничем и не занимающиеся.

Человек верный, преданный, любящий. Преданный профессии, которой отдавался самозабвенно, преданный любимой Жанне, с которой прожил 57 счастливых лет. Он остался предан своей советской Родине, идеалам своих погибших на войне мамы и отца. Он их не предал! Они защищали советскую страну, боролись с напавшими на неё врагами, а он защищал советские — истинно человеческие — идеалы и сражался за них против терзающих её идейных врагов. Он, коммунист, был духовной опорой, был утешением тем советским людям, жизнь которых нынешними политиками и филарниками была осмеяна и поругана. Советское время то и дело называют "проектом". И рассуждают о том, удался он или нет. Да если этот "проект" порождает, воспитывает, даёт человечеству таких людей, как Королев, Курчатов, Матросов, Гастелло, Шолохов, Бушин, Губенко и миллионы известных и менее известных, но не менее прекрасных людей, то это — самый прекрасный и удавшийся проект в истории челове-

чества. И именно его возвышенность и красота ополчила против него низких подлецов, уродливых негодяев, наполняющих жизнь смрадом.

Говорят, актёры — как микрофоны: что в них говорят, то они и передают. Но Николай Николаевич отказывался от ролей и постановок, в которых была хула на наше советское прошлое, в которых оно высмеивалось. Он отвергал предложения участвовать в фильмах, пропагандирующих пошлость, низменные инстинкты, воспевających порок и насилие. Его стоицизм, его благородство признаны даже недоброжелателями. Он, всегда находясь на передовой, был заметной целью, и принимал на себя удары, но не был ни побитым, ни повергнутым. Он — нестигаемый победитель.

Интеллеktуал, интересовавшийся всем, вникающий в любую тему, с которой ему приходилось работать. В доме — огромная библиотека прочитанных книг. Папки с вырезками из газет, журналов.

А такая любовь, как у семейной пары Жанны Болотовой и Николая Губенко — это великая ценность. Потому что от света их отношений, от теплоты их заботы друг о друге было хорошо и всем нам: своей истинной, не на показ любовию они очищали погрязшее в склоках и ненависти общество. Они — не две половинки единого целого, а растворившиеся друг в друге люди, оставшиеся самими собой. Удивительно, но они, будучи отрадой и опорой друг друга, вдохновляющие друг друга, — отрада и опора и всем нам, вдохновение всем нам: есть истинные любовь, есть воплотившиеся в людях идеалы.

С уходом человека уходит целый мир, накопленный каждым днём жизни, каждой встречей, каждым переживанием, каждой прочитанной книгой. Но Николай Губенко оставил нам своё великое наследие: фильмы, роли, постановки, статьи.

Созданный им театр "Содружество актёров Таганки", выстраданный, в буквальном смысле этого слова выстроенный от первого до последнего кирпичика — концепция, репертуар, труппа — сохранившийся, бережливый Николай Губенко в тяжелейшие времена, должен носить его имя.

*И никто не заменит, и боль не пройдёт.
С каждым днём она будет копиться.
Всё теперь — пустота, даже море людей.
Если нет его, люди — лишь лица.*

Екатерина ГЛУШИК

ОТЕЦ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ. Лёва, Лёвушка, друг мой сердечный. Столько лет мы не вместе, а как мне тебя не хватает! Твоих добрых синих смеющихся глаз, твоей артистичности, твоих божественных прозрений. Я был тогда лесником, и мои леса выходили к стенам Нового Иерусалима, что под Москвой. Там же в монастыре работал скромным научным сотрудником Лев Лебедев, едва закончивший

КРЕСТИВШИЙ МЕНЯ

Московский университет. Там мы и познакомились. Там две молодые ищущие души и сошлись. Я приехал к нему в его маленькую комнату в этом огромном разрушенном монастыре. Ночью мы брали керосиновую лампу и отправлялись в центральный Воскресенский собор с проломленным куполом. Шли почти на ощупь, под нашими ногами хрустели разбитые взрывами изразцы, а в открывшихся провалах купола смотрело на нас огромное звёздное, многоцветное дышащее небо — словно Господь глядел на нас своим чёрным, серебряно-золотым перламутровым оком. Там, среди этих великих развалин, под сенью великого патриарха Никона отец Лев Лебедев впервые понял величие и красоту православия. Крестился, стал пастырем, и весь его долгий путь со сменой приходов, с диссидентствующими статьями в самиздатовском журнале "Вече", с последующим переходом в зарубежную церковь — весь этот путь был открытием, поиском ответа на огромный мировоззренческий вопрос: что такое Россия, почему она так трампирует человечество, что такого увидел в ней Бог, что кидает её в непрерывные испытания и беды, а потом выхватывает из огня и вновь ставит на великий имперский путь.

Отец Лев служил в маленьких приходских церквях, а я ездил по горячим точкам. Мы изредка встречались, и наши встречи были постоянными рассуждениями, спорами, открытиями. Он сетовал и корил меня за мою слишком большую приверженность государству, Риму, как говорил он, вместо того, чтобы служить чертогу Господнему — Иерусалиму. И так постепенно на этих встречах, в этих спорах мы ещё не верующая, но ищущая Бога душа откликнулась на его возвышенную веру, и я решил креститься.

В то время он служил в Смоленском селе Тёсово — в храме, который уцелел во время бомбардировок и артиллерийских обстрелов. И когда впервые я шёл к нему, мы пробрались через разгромленную Вязьму. Он ввёл меня в один из вяземских соборов, обугленных и разрушенных внутри, но на высоте, под сводом церкви висело деревянное распятие, не повреждённое ни пулей, ни осколком, и Иисус смотрел на нас, словно с небес, побуждая и поощряя меня.

Тогда отец Лев вместе со своей матушкой Андроникой и двумя сыновьями, ещё очень маленькими, жил в крохотном домишке на территории церковного кладбища. Я помню эту тесную сторожку, горящую печь, мы с отцом Львом печём просфоры, и он учит меня мять в руках эти тёплые телесные, нежные комки теста, ставить на них отпечаток и класть на раскалённый противень. И по сей день я помню удивительный запах горячей пшеницы.

Он крестил меня в пустом храме, не занеся моё имя в церковную книгу, ибо тогда, в 1972 году, крещение было актом недозволенным и всячески каралось надзорными органами.

В храме было холодно. Это была осень, день иконы Казанской Божией матери. Отец Лев налил в таз тёплой воды, поставил меня обнажённого в этот таз, поливал сверху, кропил святой водой, мы вместе с ним читали Символ веры, и он крестил меня.

Александр ПРОХАНОВ

ОСТРОВ-КРЕПОСТЬ

Жизнь и смерть Бориса Усова

16 АВГУСТА исполнилось бы 50 лет Борису Белокуррову (Усову), поэту, кинокритику, лидеру группы "Соломенные еноты". До юбилея он не дожид чут более года, умер 11 апреля 2019-го.

То, что ушёл поистине культовый человек, косвенно подтвердила информация о смерти на сайте "Завтра". Горькая новость получила довольно солидное количество просмотров, опережая соседнюю политическую рутину. А ведь "Завтра" была далеко не первой: уход Бориса отметили и видные культурные издания, и топовые новостные медиа. Социальные сети в те дни напомнили относительно близкую по дате кончину великого певца Скотта Уокера: моя лента делилась на тех, кто скорбел, и тех, кто впервые услышал имя.

Похороны — сотня человек в будний день на Хованском кладбище, три поколения, разница между старшими и младшими была лет в пятьдесят, социальная: от редакторов популярного глянца до идейных аутсайдеров.

Белокурова цитировали "Афиша" и "Нью-Йорк Таймс", "Соломенные еноты" фигурируют в рассказах авторов, которые "формейшенно" никогда не интересовались. Что ж, на Руси реальное влияние у андеграунда, как и у радикальной политики, куда больше и значительнее, чем можно это представить. Возьмите большие примеры, вроде Летова или партии, название которой Нелзя Больше Произносить, — и сравните с чем-то конформно-легальным. Но и многие куда менее известные явления, фигуры вовсе не остались в пределах межбюджетчика. И это — учитывая, что "Соломенные еноты" все годы своей активности принципиально уворачивались от любых контактов с шоу-бизнесом, даже в его условной рок-вариации. И то, что группа не существовала уже с середины тысяччных.

Несомненно, что "Соломенные еноты" вошли в историю отечественной культуры рубежа веков даже без возможной приставки "контр". Это андеграунд — искусство заведомо немассовое, однако претендующее на обращение к вечности. И песни "енотов" сегодня уже слушают люди, которые появились на свет в годы их написания и даже позже.

В НОВОСТЯХ ПЕСТРЕЛО — умер лидер панк-группы. Мне это слово показалось ненужным, лишним. В своё время это слово заставило вздрогнуть распорядителей мирового дисциплинарного санатория (ну, или они хорошо притворились, пусть так). Но за четыре десятилетия панк прошёл скорбный путь до дешёвой декорации. А "еноты" хоть и "лабали панк-рок", но тяготели к размахистому "гаражу", озверелому бард-року или же пост-панку, почти по известному летовскому определению: "если панк состоит из действительно естественных животных инстинктов, то пост-панк это люди, которые поняли, что они не могут жить здесь и сейчас. А хотелось бы. Поэтому пост-панк это музыка очень больная".

Ну, а подлинность — практически синоним всего "формейшена", "эксистенциального андеграунда". Песен-манifestов у Усова хватает, но кредо с неожиданной прямотой он выразил в одной из статей: "...отчаянный поиск Любви в мире, её лишавшимся, опалённом "холодным пламенем инферно", затенившим любую искренность" стеклом отчуждения".

ДИСКОГРАФИЯ "Соломенных енотов" довольно обширна, официальных изданий пока четыре. Книга стало известно, что альбомы "енотов" выходят на "Выгроде", первая реакция у многих была неизбежно-показательной: "А Борис в курсе? Разрешил?" Впрочем, издание именно на CD в эпоху Интернета, которому Усов открыто оппонировал, или моды на винил — отчасти тоже вызов.

На рубеже 2020 года героический "Выгрод" выпустил ещё и полноценное собрание усовской лирики "Эльд".

Сам Усов участвовал в подготовке издания, вносил правки, но книгу, увы, не увидел. Помимо текстов "енотов", а также проектов "Утро над Вавилоном" и "Ко.Со.Во.", четырёхстороннее издание содержит множество стихотворений Бориса — в том числе, ранее не публиковавшихся. Я сходу узнал новое про песню "Кольбельная панк-року", которую, как мне казалось, выучил наизусть ещё в девятых. Ещё несколько песен обрели полноценную картину, что сложно было сделать только через записи. Именно книга может открыть удивительный мир Бориса Усова людям, которым сложно предолеть качество записи, звучание "енотов". Конгениальное предисловие Максима Семеляка — вполне себе пролегомены к дальнейшей разработке усовской поэтики.

Бесчисленные кино- и книжные аллюзии, разнообразные и противоречивые влияния, имена, животные и термины — всё это настоящие поле для исследований. Так, переслушивая записи и читая тексты, я понял, что заинтеригован удивительно частым для современного автора употреблением слова "лабаз". Понятно, что хрестоматийный "туз-лабазник Сысой Сысой" — для Усова предмет искренней ненависти, но, может, и не только в этом дело.

ПРО "СОЛОМЕННЫХ ЕНОТОВ" я впервые узнал именно через "Завтра", прочитав в рок-полосе году в 1994-м. Скорее всего, автором полурекламной отвязной заметки был сам Усов. Потом познакомившись с "формантами" — обрёл некоторые альбомы, открыл журнал "Связь времён". Был на концерте в ОГИ, который Усов начал знатным приветствием: "Здравствуйте, дорогие посетители нпзмканского кабака. Сейчас мы будем петь для вас песни. Точнее, не для вас, а для самих себя". И в том была выражена своеобразная программа. Был и на концерте в "Горбушке", к которому уже написал отчасти неофициальный аполотегический анонс. Но опыт общения пришёлся на годы, когда в отношении контркультуры Усов отсылался с видимым раздражением. "Имя этой бесплодной земли звучит диодно — "рок-музыка". Попытка претензии, неуемло балансирующей между "бардами" и "попсовиками", "лужерами" и "хитмейкерами". Говоря прямо — лишнее родимое пятно на теле отечественного искусства".

БОРИС ВОССЕДАЕТ ЗА СТОЛОМ на кухне своей легендарной коньковской квартиры 104. Пробавивая стёклами очков, но без ехидства вопрошает: "Я, наверное, самый сложный автор "Завтра"?"

"Нет, Савва Васильевич Ямщиков сложнее", — в тон отвечаю я: "Он, когда совсем недоволен, резюмирует: "Всё, я звоню Проханову...".

"Ну, если бы у меня был номер Проханова, я бы тоже так делал", — осклабился Усов.

О да, автором он был очень простым, но игра, чёрт побери, стоила свеч. "Объясни Боре, что газета — это не журнал "Аполлон", — пытался сгладить назревающий конфликт коллеги. Сиречь, газета — конвейер, где неизбежны уступки, натяжки, и, увы, проколы. Но компромисс — самое последнее, на что пошёл бы Усов. Тем паче, свои "Аполлоны" он издавал. Его самиздатские журналы: "Шумела-мышь", "Связь времён" и "Мир искусства", — непременная часть усовского мифа и истории "формейшена".

И надо признать, Борини тексты никоим образом не нуждались в редакторском вторжении. Это всегда были вдохновенные, цельные, прекрасные статьи. Блестящее знание темы, темперамент, недюжинный литературный та-

лант... Усов открывал новые континенты, подмигивал своим, готов был оценить достойное, но куда чаще раздавал эффектные оплеухи.

Доселе непостоянная и непоследовательная кинорубрика с момента появления в ареале "Завтра" Бориса и Анастасии Белокуровых обрела полноценных хозяев.

Кстати, и отношение к делу было образцовым. Помню появление одной рецензии. Фильм был отсмотрен на фестивале, потом Борис купил DVD, вырвав деньги из только что полученного скромного гонорара, и ещё неоднократно освоен. И только после этого появился текст — скорее скептический.

Любить и знать было для него синонимами. По слухам, как-то Борис составил список любимых фильмов. Там было три тысячи(!) позиций. И, уверен, о каждом из них он был способен прочитать лекцию. Из его формул-размышлений мне особо запомнилась одна, которая и по сей день влияет на мою скучную кинопрактику: "За первые полвека существования кинематографа было создано столько шедевров, что последующие десятилетия можно легко поставить под вопрос".

Появление такого автора в "Завтра" вызвало большую печаль у разнообразных полицаем мысли. Хотя, казалось бы, только дураки могут рассматривать Усова сквозь призму партбилетов. Банально, но он сам себе был партия. Впрочем, партия — это часть, а в случае Усова уместно вспомнить реакцию знаменитого артиста Бориса Ливанова на адресованное ему объявление "зайти в художественную часть": "Как это художественное целое может зайти в художественную часть?"

Так что: "Я превращаю себя в остров-крепость" или же "У нас государство в государстве, — и мы будем в нём умирать".

Понятно, что в "Завтра" хватало того, что не было ему близко (впрочем, как и любым другим авторам, а порой и соавторам "Завтра", включая главного редактора, ибо газета всегда была большой и широкой площадкой). Несмотря на декларируемую внеполитичность, прокремлёвский вектор фигуры вызывал у Усова досаду, фигура оппозиционности для него была важна. Но если бы это было однозначно невыносимо, то ни о каких публикациях и речи бы не было. "Продолжаем сотрудничество", — с неожиданной протокольным пафосом говорил он после обсуждения планов на ближайшее будущее (а, может быть, он подспудно цитировал, например, "Как украсть миллион" и историю с незадачливым миллиардером Лиландом).

"Сотрудничество" прерывалось: Борис становился скучно, он резвился, предлагал оригинальные ходы: "А давайте вместо рецензии я пишу напизу", — или же конфликты превращались допустимый рабочий уровень. Было и триумфальное возвращение, а потом пришли долгие годы тяжёлой болезни.

Из особо любимых мною усовских текстов могу отметить статью про "Глянец", "Поезд на Юму", "Груз 200", "Чёрную книгу" Верховена и "воскресших" мушкетёров.

Из несостоявшегося: только в планах осталась статья про почитаемого барда Михаила Щербаква, а также обзорно-

просветительская работа об индийском кино. Белокуровы в своё время издавали журнал "Мир индийского кино", а Борис даже написал книгу про суперзвезду Болливуда "Митхун Чакраборти. Наследник из Калькутты". Её можно было заказать на Озоне, но уже к двадцатым числам прошлого года апреля книга резко закончилась.

УСОВ НЕ ПРИНИМАЛ ИНТЕРНЕТ ("Во-первых, люди просто разучились общаться между собой. Я не понимаю всей этой бесконечной переписки. Люди просто ищут лёгкие пути. По переписке гораздо легче кинуть кого-то или предать. И второе: мне категорически не нравится, что любой середняк получил доступ к печатному слову. Хотя я уверен, что оно от этого не потеряет своей ценности"), обходился без мобильного телефона. Он выстраивал свой мир, относясь к миру внешнему, мягко говоря, без энтузиазма. В историях и легендах "формейшна" очень много схожего с тем, как описывают "южинский кружок": безбрежные таланты, асоциальность, много алкоголя.

Несмотря на всю свою знаменитую несносность, Усов представлялся очень чистым человеком, пусть и больших эмоций. Распрекрасные словечки: "возопил", "встрепенулся", "бушевал", которые, казалось, остались в мире классического слова, — в нём идеально проявлялись.

Однажды в телефонном разговоре я поведал, что умерла моя кошка, прожившая семнадцать лет, — Борис заметно опешил. Человеческие утраты такого эффекта, за редкими исключениями, не вызывали. Усов — это редкое, но известное у больших художников сочетание выдающейся мизантропии и трогательной добродушия.

Его бескомпромиссность в жизни была последовательной и вразвращённой. В отличие от многих декларировавших, но сошедших с дистанции. Действовать (или бездействовать) так, как считаете правильным и нужным, было однозначным выбором. Впрочем, и по дороге саморазрушения Борис двигался столь же убеждённо.

"Глаза Иного мира" — именовал его collega по андеграунду, и в этом, помимо подкола, звучало признание. Усов реально воплощал и полноценное присутствие "здесь и сейчас", и совершенно умопомрачительное "не-здесь", причём без какой-либо патологической мистики. Этой выдающийся синтез и сдетонировал в творчестве, в дивные, неугмонные, неподконтрольные строки и песни.

*Словно в зеркальце, смотрит в луны
Царство эта, королевство мафий
Стынет лак на запретных рунах
Потерял моих биографию.*

*Были войны. Стали панки.
Удаётся, кем стали вскоре,
И полные луны
Не участвуют в разговоре.*

*Не окрасится синим воздух,
Мы ещё раз себе изменим —
Так драконы теряют скорость
По дороге в северный Иемен.*

Андрей СМРНОВ